



# АЛЕКСАНДР ОЖИГАНОВ "КАК БЫ РЕЗВЯСЯ И ИГРАЯ"

1997 №24

КОНСТРУКЦИЯ ОДНОЙ ДЕ-  
КОНСТРУКЦИИ

1. Итак, пятидесятилетие ждановского доклада ознаменовано на страницах девятого номера журнала "Звезда" за 1996-й год статьей Александра Жолковского "Анна Ахматова - пятьдесят лет спустя", "этими,- по определению самого автора, - вроде бы юбилейными заметками". Но, несмотря на такую скромность, Жолковский серьезен не менее Жданова. И, например, осуждает "постмодернистскую крайность, эпатажно сформулированную... Приговом в стихах о Пушкине (Во всех деревнях, уголках бы ничтожных Я бюсты везде бы поставил его А вот бы стихи я его уничтожил - Ведь облик они принижают его)". А также как будто отказывается от чересчур радикальной позиции, предложенной А.Л.Зориным: "не поэтические шедевры оправдывают человеческую, слишком человеческую личность Ахматовой, а, напротив, гениальный жизнотворческий перформанс образует пьедестал для ее посредственных текстов".

Хотя, по признанию автора, "влиятельные образы демифологизации привычных российско-советских кумиров были заданы А.Синявским-Терцем, Б.Гройсом и некоторыми другими", его статья, разумеется, несколько не напоминает "Прогулки с Пушкиным", и это вполне понятно: профессор всерьез озабочен "консервативными политическими тенденциями в современной России. Причем эта глубинная консервативность, чтобы не сказать реакционность, может быть усмотрена не только в существенных аналогиях между сталинизмом (и его наследием) и самодержавием - православием - народностью, но и в, на первый взгляд, вполне прогрессивистских рассуждениях Н.Я. Мандельштам". Иными словами, 96-й - не 46-й. И Жданову было легче. Хотя он ошибался.

По теории постмодернизма любой текст ошибочен, интерпретация не зависит от текста и сама в свою очередь только возможность ошибки, так как правильного прочтения не существует, и все лишь игра "поэтического мышления" (Хайдеггер) уже потому, что язык изначально метафоричен. Вся советская и "подсоветская", по выражению Жолковского, практика неотрывна от этой теории, хотя генеральная линия сплошных искривлений, ошибок, откатов и переломов, увы, неизменна. Доклад Жданова признан (успели-таки) ошибочным, Постановление ЦК отменено, а генеральный курс торжествует, ибо хотя доклад и ошибочен, но признание его ошибочности тоже ошибочно, то есть ошибка в самой этой признанной Партией ошибочности, а не в признании ошибочности, так как доклад в самом деле ошибка, но только ошибочная, не та: ошибка вышла! Ошиблись и Жданов, и ЦК, и ЧК, и повторно ЦК - все ошиблись. Сам Жданов ошибся вдвойне НАПИСАВ доклад (это же стало "звездным часом Ахматовой... и обеспечило ее попадание в мировую обойму") и написав ТАКОИ доклад. Судите сами: "поэзия взбесившейся барыньки, мечущейся между будауrom и моленной"?.. Святая наивность! Не понимающий... не подозревает, что если бы эти самые жалкие, исцарапанные юридические вдруг забыли бы свою нелепую страсть и вернулись в мир, то железными стопами пошли бы они по телам его, живого, мирского человека, тогда бы он узнал жестокою силу... по пустякам слезившихся капризниц..." (Н.Недоброе) И поразительно! - "с этими формулировками не спорил и Ахматова, ценившая статью Недоброе и с благодарностью следовавшая ее урокам." Какие уж тут, посудите, "бы"! -

ПОШЛА! пошла стопами по телам... как его? - человека... ПО ТЕЛАМ ЧЕЛОВЕКА капризница, барынька! Идет! - топчет-месит... А мы благодарствуем, даже благодарим, культивируем... Почему?

Во-первых. "Любителю поэзии естественным образом сладко усыпление. То же верно и для поклонника поэта - обмануть его не трудно, он сам обманываться рад". Во-вторых. "Российский человек почему-то жаждет, чтобы им манипулировали и повелевали."

К счастью, профессор калифорнийского университета бдит, его не обманешь. И, в отличие от нас, он сам жаждет манипулировать, ибо "по-прежнему, хотя и написал некоторое количество рассказов, причем преимущественно металитературных (например, "НРЗБ. Рассказы", 1996 - А.О.), ощущает себя литературоведом, ...хотя и со сдвигом в сторону демифологизации, т.е. стремления не просто повторять за автором, но и как-то взорвать его изнутри... Подорвать незыблемость какого-то официального кумира... - это да." ("ЛО" 97/1) То, что Ахматова официально и неспроста (помните о тенден-

статуи обнаруживается мучительная и не всегда привлекательная игра страха, высокомерия, актерства, садомазохизма, властолюбия..."

Если и возникает какая-то путаница, то она обоснована теоретически (правильного прочтения не существует, интерпретация не зависит от текста). Ахматовой нет. И не может быть. Есть "Ахматова" официоза (прекрасная статуя, героиня сопротивления, хранительница устоев и т.д.) для масс. Есть "Ахматова" (одна из возможных "Ахматовых") Жолковского ("институт ААА") для избранных масс. И так далее. Жолковского не интересует ни статуя-героиня, ни дрожжащая от страха властолюбивая садомазохистка, ни юродивая Недоброе, ни монахиня-блудница Жданова, ни кропательница посредственных текстов Зорина... Его вообще не интересует Ахматова. Он интересуется (или имитирует интерес, что в данном случае одно и то же) "технологией власти, которую Ахматова... разделяла с режимом", - "институтаААА":

"Третья степень "пристрастности" - то, что увлекает меня сейчас в занятиях Ахматовой,- попытка произвести своего рода демонтаж ее властного мифа. (Попытка - прочесть без приставки ДЕ... - А.О.) Он не только являет собой частный случай властного мифа вообще, но и параллелен и во многом подобен мифу той власти, в оппозиции к которой, в качестве жертвы которой, но одновременно и заряжаясь энергией от давления которой, функционировала Ахматова." Которой. Профессор. Пренебрегает. Но, как доверительно он сообщает "ЛО", "просто удариться в разоблачение Ахматовой мне было бы неинтересно, пусть это делает кто-то другой. Мне интересно работать на текстовом уровне, на уровне ее жизнотворческого текста, текста ее биографии как мифа, который она нам задала,- работать в рамках школы Ю.Н.Тынянова, Л.Я. Гинзбург и Ю.М.Лотмана." Исследователь уверяет читателей, что после его "работы в рамках" нам будет по-прежнему, если не еще более, "лирично" от Пастернака и Ахматовой, хотя бы мы и понимали их не всегда привлекательную политическую подоплеку. Политические соображения не должны отменять бартовского наслаждения текстом, что, впрочем, часто происходит с западными критиками, которые, "разоблачив" текст, перестают его любить, а любят исключительно себя и свои демистификации." (Попытка - прочесть без приставки де-.)

Расхожее представление об идеологии как средстве манипулирования сознанием "идеологично", т.е. способствует манипулированию сознанием. "Ругать постмодернизм так же глупо, как и хвалить. Это понятие без реального значения, слово-чехол. Или явно спекулятивная (увы! - не в философском смысле слова - А.О.) попытка обозначить отсутствие каких-то возможностей в терминах присутствия" (М.Айзенберг). Даже если предположить (на мгновение), что идеология есть механизм воздействия на умы, целиком подчиняющий жизнь всего общества реализации заданной идеи и вспомнить притом представление о коммунизме как об обществе всеобщего благоденствия и социального равенства, то, конечно, и в этом случае можно говорить о "коммунистической идеологии" лишь в постмодернистской терминологии присутствия отсутствия, ибо надо быть воистину шизофренически чувствительным коммунистом, чтобы настаивать на том, что вся жизнь "советского общества" была подчинена реализации идеи всеобщего благоденствия и социального равенства.

Западные "идеологи" постмодернизма оказались революционнее наших доморощенных коммунистических "идеологов" - поневоле: разочаровавшись в Империи Зла, особенно после ее тихого краха ("Извините, ошиблись!"), они одновременно лишились фигового прилагательного "буржуазный", и всем стало ясно, что они вообще отвергают личность, логику, разум, язык, общество, науку, искусство, историю, идео-



Вяч.Смирнов. Проволочный город, 1992.  
Бумага, гуашь (60x80)

в современной России!) насаждается, как карто.. то есть как Маяковский, вне всяких сомнений: "Ахматовский культ (не побоимся этого слова) оказался долговечнее ленинско-сталинского. Он поистине овладел массами и представляет собой семиотическую реальность, заслуживающую серьезного рассмотрения". Однако этот "заслуживающий серьезного рассмотрения" культ Ахматовой, ахматовский миф, овладевший массами, литературоведа со сдвигом в сторону демифологизации не интересует, и (мнимая) цель исследования - "демифологизация личности ААА" - лишь декларируется, вряд ли, впрочем, вводя хоть кого-нибудь в заблуждение. Кроме, может быть, самого "деконструктора", берущего на себя геркулесовы подвиги: "Объект моего полемиического острашения - не столько поэзия Ахматовой как таковая, сколько весь ахматовский миф в целом и тот, так сказать, "институт ААА", который является современным способом его существования. А в дальнейшем плане, на материале этого социокультурного феномена, пересмотру подвергаются целые пласты ментальности homo sovieticus'a вообще..." Но Жолковский играючи справляется с этим. Он действительно уделяет мало внимания СТИХАМ, но не потому, что они являют "ее отшлифованный почти до непроницаемости поэтический портрет" (и со стихами мифолог разделяется в два счета!), а потому, что они его просто не интересуют. Не интересуется его в действительности и "ЖИЗНЕННЫЙ ТЕКСТ, зафиксированный в воспоминаниях", которому якобы отдается предпочтение потому, что, хотя "и он представляет собой артефакт, вышедший из мастерской Ахматовой,... все же броня авторского контроля... дает трещину, позволяющую заглянуть за кулисы... Тогда за медальным, "дантовским" профилем великой поэтессы, прощичи, героини сопротивления, прекрасной